

Михаэла Мудуре

Клуж-Напока, Румыния

ВИЛЕНСКИЙ ГАОН И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЧТЕНИЯ

Так обстоит с *Торой.
У нее есть тело:
заповеди Торы,
называемые «воплощением Торы».
Это тело облачено в одеяние —
рассказы этого мира.

Перл Бессерман

Акт чтения, а следовательно, и истолкования — это акт обобщения, где в идеале стирается граница между читателем и текстом. Оба — и читатель, и текст — являются интенциями. Поэтому чтение/истолкование является динамичной областью опыта, где текст превращается в конкретное достижение. Согласно перспективам Вольфганга Исера, нашедшим свое выражение в теперь уже ставшей классикой статье «Процесс чтения. Феноменологический подход»¹, опубликованной в 1972 г., текст не является непрерывным. Автор делает в тексте пропуски. Читатель должен восполнить эти пропуски в повествовании, могущие быть недостающей информацией или действиями героя, о которых нам ничего не было сказано. Эти пропуски относятся как к цели текста (экспрессивный потенциал текста), так и к цели автора (намерения автора при представлении текста). Читателю предоставляется свобода выбора между возможными различными оттенками значения, которые, впрочем, ограничиваются границами интерпретации. По Исеру, ни в одном тексте нет идеи, подобной некоторой сокровищнице, которую следует раскопать. Значение есть результат взаимодействия читателя и текста. Это взаимодействие переживается как эффект. Вольфганг Исер устраняет традиционную дихотомию субъект — объект, что раскрепощает читателя. Текст увлекает нас ранее известными словами, суждениями, конкретикой. С одной стороны, предмет чтения выполняет функцию конкретизации текста, с другой — сливается с автором, а точнее со сконцентрированным

Поступило сверх программы конференции. Перевод с английского.

образом автора. В конечном счете чтение включает в себя диалектический процесс изменения и самореализации читателя. Восполняя пропуски в тексте, мы воссоздаем себя, поскольку соприкосновение с любым текстом — это часть процесса более глубокого понимания других и самого себя.

Мы применили повествовательную перспективу Вольфганга Исера к хорошо известным материалам о Виленском *гаоне². Это отчет, написанный его ближайшим последователем раввином Хаимом из Воложина (Хаим Воложинер) и опубликованный в 1820 г. во введении к комментариям, написанным гаоном к книге «Сифре» (*мидраш к библейским книгам Чисел и Второзакония. — *Ред.*).

Текст начинается с пропуска в повествовании: «Бог в Своей милости, чтобы исполнить Свои благие слова о том, что Закон не будет забыт, посылает нам смотрителя и святого...», — причем выделяется опыт работы раввина Хаима с гаоном как исключительный. Из текста нам не известно, что сделал гаон до своего контакта с раввином Хаимом, и это произвольно оборванное начало усиливает исключительные возможности гаона.

В продолжение текста Виленский гаон представлен посредством смутных, неточных описаний «смотритель и святой, человек, в котором Дух Божий» (170)³. В конце автор переходит к конкретному человеку, о котором говорит посредством своего рода гиперболических кульминаций: «...Наш благочестивый и святой господин и учитель Элиягу из Вильно» (170). Автор продолжает представление гаона, используя отрицательную конструкцию в превосходном значении, а также сравнение с мощным светом, который может как осветить, так и ослепить нас, что может либо продвинуть вперед, либо создать пробел: «...Наш благочестивый и святой господин и учитель Элиягу из Вильно, от которого не была скрыта ни одна тайна и который озарил наши глаза доступными непосвященным и понятными лишь посвященным познаниями...» (170—171).

С этого момента пунктуация, а именно многоточие, используется с целью подтолкнуть читателя к истолковательным границам, установленным автором. Многоточия придают тексту более драматическую устремленность, раскрывают эмоции автора и создают семантический пропуск, который должен заполнить читатель. Поскольку предполагаемый читатель текста посвящен в иудаизм, автор использует ахроним (аббревиатуру) Ицхака Лурия⁴ (Ари) при оценке сложности работы гаона: «Ведь есть очень многие, которые могут изучать источники нашей... *Торы... а также Вавилонского и Палестинского (Иерусалимского. — *Ред.*)

*Талмуда... оставить лежащие в глубине тайны Торы... и сочинения Ари...» (171). Раввин Хаим создает семантический пропуск для читателя, не ориентирующегося в сложных вопросах иудаизма. Это текстовая уловка, цель которой — разделить, просветлить и ослепить одновременно, подобно его любимому сравнительному элементу — свету. Автор продолжает использовать те же полюбившиеся приемы (отрицательная конструкция со значением превосходства) и полисемантические метафоры, связанные со светом, используются с целью раскрытия величия личности гаона: «Никто не был подобен ему во многих поколениях до него» (171), гаон «озарял» (171), он характеризуется «замечательным благочестием» (171).

После описания необычного появления гаона, сделав намек на возможное сравнение с Ицхаком Лурия, автор симметрично приводит ниже другое сравнение и сопоставляет гаона и простых людей. Сравнение вводится довольно неожиданно: «Я вспомнил о чем-то» (171). По уже повторяющемуся образцу после отрицательной конструкции в превосходном значении («никто не был подобен ему во многих поколениях до него») (171) и очевидно недвусмысленного света, представленного огнем и пламенем («и в своих писаниях он осветил нам путь... который никто не мог истолковать на протяжении уже многих поколений») (171), автор использует существительные с неясной отсылкой и неопределенные местоимения, для того чтобы пробудить интерес читателя и противостоять клевете. «Я вспомнил о чем-то, что... заставляет мое сердце гореть, как пылающий огонь... [а именно] сплетни (распространяемые) невежественными и тщеславными людьми, далекими и никогда не видевшими свет Его Торы... Другие шли еще дальше... говоря, что священный *«Зогар», который он изучал с пламенной любовью и страхом перед Божественным величием, в его глазах не был оценен по достоинству» (171). Косвенное, явно оторванное представление в первой части еще более усиливает неприязнь к подлым устами клеветников. Это контрастирует с последующим личным вовлечением.

Только теперь автор напрямую использует любимое визуальное сравнение. Секрет мистического восприятия заключается во внешнем и внутреннем взоре рассказчика: «...Мои собственные глаза видели в глазах нашего великого господина славу и святость Ари, так как каждый раз, говоря о нем, он трепетал...» (172). Брешь между Ари и гаоном сводится к нулю с целью гиперболизировать личность гаона и вызвать у читателя чувство восхищения.

После упоминания Ари автор симметрично продолжает пред-

ставлять достижения гаона по сравнению с достижениями других раввинов. Временные пропуски симметрично соответствуют один другому в этой новой симметрии, являющейся частью общей симметрии — Ари против других раввинов. Неясность временных рамок предполагает, что это всего лишь одно из многих достижений гаона, и вновь вызывает у читателя чувство восхищения мистической личностью гаона. *Однажды* гаон начал создавать *голем, но видение остановило его ввиду его молодости. *Однажды* раввин Хаим... был послан предостеречь раввина Шломо Залмана от любых видений, так как время было скверное и молодежь утратила благочестивость (172). Это комплексные симметричные отношения между материальным и нематериальным, если принять во внимание спиритические действия (а именно, голем противостоит ангелу) и предупреждение (видение противостоит раввину Хаиму, посланному предупредить раввина Шломо Залмана). В обоих случаях временная отсылка связана с молодежью, с юным возрастом. Но в предыдущем примере, когда гаон слишком молод, время не имеет значения. В последнем случае возраст раввина Шломо Залмана не имеет значения, а скверное время является главенствующим фактором. Эта сложная обратная симметрия усиливает величие образа гаона.

Далее текст продолжается симметрично от предупреждений о материальных результатах мистической концентрации (голем) с предупреждением о нематериальных результатах мистической концентрации. В косвенной речи раввин Хаим предупреждает гаона о «проникновениях в душу во время сна... Ибо важно то, что человек достигает всего в этом мире собственным трудом и стремлением к добру и жертвует свое время на изучение Торы, таким образом угождая Создателю...» (173). Во-первых, автор избегает разрыва между читателем и гаоном, каждый может учиться и делать мистические открытия, но затем он продолжает восхищаться ценностью ночных озарений и показывает личность гаона более сложной, мистической и ослепительной: «А озарения души во сне без труда, выбора и свободной воли скорее принадлежали к категории даров, ниспосланных Богом человеку как предвосхищение Грядущего. Эти его слова подразумевали, что он испытывает подобный душевный подъем каждую ночь» (173).

В противовес неясному наречию *однажды*, теперь автор снова переходит к очень конкретным временным рамкам: «Однажды, в первый день праздника *Песах... Элиягу навестил меня...» (173). Вначале автор избегает пробелов, а спешка имеет целью отразить сложность спиритического опыта, сложности его оценки и величия гаона. «Прошлой ночью Элиягу навестил меня — если я пра-

вильно помню, мне было сказано, что это был Элиягу, однако, возможно, это был другой посланец из небесной академии» (173).

Несмотря на восхищение мистическими видениями, приходящими лишь после интенсивных занятий и концентрации, раввин Хаим отражает мнение гаона в косвенной речи: «...Бог создал сон с той единственной целью, что человеку следует достичь озарения, которого он не может достичь даже после тяжелого труда и усилий, когда душа связана с телом, потому что душа раскрывается подобно занавесу» (174). Однако, возвращаясь обходным путем к сложной личности гаона, мы узнаем, что «у него было великое откровение, когда он проснулся».

Затем следует явно отвлекающее изложение фактов. Речь идет о меланхолике, у которого были впечатляющие сны и который вторгается в мистическую близость, царящую между гаоном и раввином Шимоном бен Йохаем. После такого откровения гаон выгнал этого человека (173). Читатель должен решить проблему и узнать, почему впечатлительный меланхолик-сновидец был изгнан. Существуют ли ревность и конкуренция даже среди мистических духов? Автор подразумевает утвердительный ответ, но сдержанно компенсирует его восхвалением богослова, которое все делает возможным: «Честно говоря, все эти замечательные вещи совсем не замечательны в моих глазах... ведь это Тора и это ее вознаграждение» (175). Здесь снова появляется свет, который вселяет уверенность и одновременно вводит в заблуждение. «Наши глаза видели, как все эти дары были воплощены в нашего великом господине... Ему было даровано... познать внутренний свет... самые возвышенные и неизведанные тайны» (175).

Виразируя между утверждениями, фокусирующими величие гаона с различных точек зрения, сдержанно указывая и на его недостатки, автор намеренно показывает Виленского гаона как мистическую личность, усваивающую Слово Божие, так же как и читатель усваивает текст, — желая слиться с ним воедино. Любимый прием раввина Хаима — привлечь читателя к личности гаона, — комплексная метафора света, который одновременно и освещает, и ослепляет; отрицание употребляется в значении превосходства и в сложной симметрии.

Если мы сравним оценку раввина Хаима с другой оценкой Виленского гаона, можно легко заметить простоту техники пропусков в других текстах. Вот, к примеру, оценка Алана Унтермана из книги Перл Бессерман «Путь еврейских мистиков»: «Боле пятидесяти лет Элиягу, великий Виленский гаон, спал ночью не более получаса подряд, а общая продолжительность его сна не превышала двух часов. Даже будучи слабым и больным, он ни-

когда не оставлял свое священное учение. Он вставал ночью с благоговением, мыл руки, читал утреннюю молитву с невообразимой любовью и радостью, а затем, стоя более восьми часов, начиная еще до полуночи и до рассвета, учился голосом, одновременно мелодичным и устрашающим. Звук его голоса горел духовным огнем так, что каждый, кто слышал его, проникался волнующим душу одиночеством»⁵. По сравнению с описанием, данным раввином Хаимом, описанию Алана Унтермана не хватает сопричастности и ему присуща холодность научного отчета. Текст являет собой непродуманную сосредоточенность автора лишь на действиях гаона, он избегает пропусков в повествовании, за исключением подробностей о том, какую утреннюю молитву гаон обычно читал.

Сравнение двух текстов о Виленском гаоне показывает, насколько разным может быть гаон при различном подходе к его описанию. Однако лишь читатель может решить, стал ли Виленский гаон одним из рассказов, которые облачают тело мира в одеяния. Что касается нас, рассказ раввина Хаима определенно является одним из такого рода редких творений.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мистические переживания Виленского гаона

Бог в своей милости, чтобы исполнить Свои благие слова о том, что Закон не будет забыт, послал нам смотрителя и святого, человека, в котором Дух Божий, нашего великого господина, гаона и свет мира, чье учение и благочестие известны от одного края земли до другого, нашего благочестивого и святого господина и учителя Элиягу из Вильно, от которого не была скрыта ни одна тайна и который озарил наши глаза доступными непосвященным и понятными лишь посвященным знаниями... Ведь очень немногие могут изучать источники нашей... Торы... а также Вавилонского и Палестинского Талмуда... оставить лежащие в глубине тайны Торы и писания Ари...

Самые святые последователи Ари не могли постичь внутреннюю глубину значения этого великого святого, за исключением раввина Хаима Витала... Пока он в своей справедливости старался восхвалять Закон, сделать его чтимым и показать нам замечательные вещи из Его Закона, что возвысило его милостивую доброту над нами; и вел он себя подобно сыну человеческому, пришедшему вместе с облаками небесными, ему была дарована слава, этот великий человек был уникален, никто не был подобен ему во многих поколениях до него... ему были ведомы все пути и тропинки тайной и ясной мудрости... это *гаон* мира, *хасид* [т. е. благочестивый] и святой, наш великий и благословенный господин... чей путь к благословию всегда проходил через учение, размышления и труд с невероятным старанием... и с великой и замечательной приверженностью [к Богу] и замечательным благочестием, и была ему дарована способность полностью постичь все вещи. И в своих писаниях... он осветил нам путь... который никто не мог пройти уже на протяжении многих поколений.

И пока я говорю о великом и замечательном благословении Торы нашего великого господина, я вспомнил о чем-то, что... заставляет мое сердце гореть, как пылающий огонь... [а именно] сплетни [распространяемые] невежественными и

тщеславными людьми, недалекими и никогда не видевшими свет Его Торы и его святости... дохлые мухи, заставляющие благоухающую мазь... нашего великого господина превращаться в зловоние, говоря, что святой раввин не относился с достаточным уважением к Ари... Другие шли еще дальше... говоря, что священный «Зогар», который он изучал с пламенной любовью и страхом перед Божественным величием, в его глазах не был оценен по достоинству... да немеют лживые уста, говорящие неправду о праведном... Ибо их глаза могут созерцать этот комментарий [к «Зогару»]... приносящие скорбь через уши, которые слышат [такую клевету], в связи с этим я считаю себя обязанным со всей верой провозгласить племенам израильским его полное и великое знание всего «Зогара»... который он изучал с пламенной любовью и великой боязнью, со святостью и благочестием и с замечательным **двекутом*. И я слышал из его святых уст, что он множество раз повторял [молитву]... пока не смог сосчитать ее буквы... Ему также пришлось, что наш господин Моисей пришел к нему в дом и снова исчез...

Говоря о нашем святом господине, богобоязненный человек Ари, мои собственные глаза видели в глазах нашего великого господина славу и святость Ари, так как каждый раз, говоря о нем, он трепетал... он также размышлял над его святыми писаниями... Что касается «*Сефер-Езирях*» («Книга Творения»), то он сказал, что текст Ари хорош и безошибочен, за исключением одной ошибки, появившейся в печатном издании. Когда я сказал ему, что теперь будет просто создать голем (с помощью безошибочного текста «*Сефер-Езирях*»), он ответил: «Однажды я действительно начал создавать голем, но, делая его, я испытал видение, и я решил для себя, что Небеса хотят остановить меня из-за моей молодости». Когда я спросил его, сколько лет ему было в то время, он ответил, что еще не достиг тогда и тридцатилетия.

Но самой великой и впечатляющей из его добродетелей было то, что он не позволял себе наслаждаться благами, за исключением добытых собственным трудом благодаря мудрости и разуму... с великими усилиями. И каждый раз, когда Небеса были милостивы к нему и фонтаны мудрости и самых сокровенных тайн были для него открыты, он принимал это как дар Божий и не желал его. Так же, когда Небеса желали даровать ему величайшие тайны безо всякого труда и усилий... через **магидов*, знатоков тайн и Торы, он не пожелал этого; ему это было предложено, но он отказался. Я слышал из его святых уст, что много раз магиды являлись ему с Небес, предлагая постичь все тайны Торы без усилий, но он не слушал... Когда один из магидов сильно настаивал... он ответил: «Я не хочу получать свое понимание Торы при чьем-либо посредничестве... мои глаза устремлены к Богу: то, что Он хочет передать мне и часть знаний о Его Торе, которую Он дарует мне, я добуду тяжелым трудом [через учение в одиночестве]. Он дарует мне мудрость и понимание... и так я узнаю, что заслужил одобрение в Его глазах». Однажды случилось так, что наш господин послал меня к моему младшему брату — более добродетельному, чем я, — благочестивому и святому гаону раввину Шломо Залману с целью передать ему приказ ни в коем случае не принимать никакого ангела-магида, который может явиться к нему, так как скоро тот должен его навестить. Он добавил, что несмотря на то, что нашего господина *Beim-Yosefa* [т.е. Иосифа Каро⁶] посетил магид, это было более двухсот лет тому назад, когда потомство было в порядке, а он сам жил на Святой Земле. Но сегодня после стольких потерь, особенно вне Святой Земли, это невозможно, что [все небесные видения] будут святейшими из святых без всяких примесей. Говоря более конкретно, видения без Торы были для него отвратительны, и он их вовсе не принимал всерьез.

Он пошел дальше этого, говоря, что озарения души во сне, когда душа отделяется, чтобы испытать божественные наслаждения в небесной академии, им высоко не ценились. Важно, если человек достигает всего в этом мире своим трудом и стремлением к выбору добра и жертвует свое время на изучение Торы, угождая таким образом Создателю... А озарения души во сне без труда, выбора и

свободной воли скорее принадлежали к категории даров, ниспосланных Богом человеку как предвосхищение грядущего. Эти слова подразумевали, что он испытывал подобный душевный подъем каждую ночь... и один из его учеников уверял меня, что он действительно слышал, как тот подтвердил это...

Однажды, в первый день праздника Песах, два его старших ученика сидели возле него — и они знали, что у него была благословенная привычка сильно благодарить Господу, радость — это лучшая манера поведения в праздничные дни, ибо мы подчиняемся Закону. Но когда они увидели, что его радость была не столь велика, как обычно, они спросили его об этом. Вначале он отказывался отвечать, но когда они стали настаивать, он не смог более сдерживать себя и сказал: «Я должен рассказать это вам, хотя это и не в моих правилах: ...если в сердце человека заметно желание, пусть он расскажет об этом и другим». Прошлой ночью Элиягу навестил меня — если я правильно помню, мне было сказано, что это был Элиягу, однако, возможно, это был другой посланец из небесной академии [вводные слова Хаима из Волжина] — и открыл ужасные вещи и с утра из-за избытка радости я сразу же погрузился в раздумья о них, прежде чем предаться благословенному изучению Торы, я был наказан и забыл все...» Они утешили его и пожелали ему: «Пусть Бог возвратит нашему господину его утрату». Некоторое время спустя один из них спросил его, было ли ему возвращено потерянное (на что он ответил: «Да...»), я даже знаю, почему это было отнято у меня, и я также знаю, почему это мне было открыто во второй раз...»

Для него подобные вещи были привычны, и ему не понадобилось специальных размышлений... И поистине, это очевидно, ведь все его слова и мысли были направлены на изучение Торы... и все, что он делал, он делал с великим благочестием и святостью. Человек открывается [в своих снах] в соответствии с тем, что у него на сердце; так почему же в его случае была необходимость особых размышлений? Он говорил, что Бог создал сон с той единственной целью, чтобы человек мог достичь озарения, которого он не мог достичь даже после тяжелого труда и усилий, когда душа связана с телом, потому что душа раскрывается подобно занавесу. Но во время сна, когда душа находится вне тела, она облачена в божественное одеяние... они возникают у него [эти озарения].

Поистине, из всех его... замечательных поступков и из всего, что я видел своими глазами в его писаниях, становится ясно, что священные тайны были открыты Элиягу патриархом Иаковом. В других местах, где он писал вообще, что «это ему открылось», я не совсем уверен, были ли это пробуждающиеся видения или восхождение души в небесную академию во время сна. Можно не сомневаться, что он испытывал восхождение каждую ночь... как уже было сказано ранее; что касается видений в то время, когда он бодрствовал, он мне не говорил ничего конкретного, так как он держал эти вещи в секрете... и то немногое, что я знаю, он говорил нам от случая к случаю при наших разговорах. Однако из одного разговора, который я слышал из его святых уст, я сделал вывод, что он испытывал великие видения и когда не спал. Мой отец на небесах свидетель тому, что однажды я слышал из его святых уст, что в Вильно жил один человек, которому снились сны, страшные сны, которые пугали всех, кто о них слышал, так как он рассказывал всем о своих сокровенных мыслях и поступках, из-за чего люди очень боялись его. [Однажды] он появился перед [гаоном] и сказал ему: «*Рабби, позвольте мне что-то сказать в знак уважения. Позапрошлой ночью, в четверг, вы сидели на этом месте и истолковывали стих из главы *Хаазиму* (Втор. 32), и рабби Шимон бен Йохай сел справа от вас, а Ари — слева». Наш господин удивился тому, что этот смертный знал все это, и сказал: «Но я помню, что [в тот день] я даже отпустил слугу из дома [так что никто не должен был этого знать]. Тогда наш господин сказал ему: «Это правда, что в том случае я истолковывал страшные тайны», — и после этого лицо его сильно побледнело — указание на то, что действительно имели место замечательные вещи и возвышенные тайны, достойные быть истолкованными в присутствии раввина Шимона бен Йохая. Тогда наш

господин посмотрел на сновидца и понял, что тот страдает меланхолией, а у меланхоликов порой бывают точные и правдивые сны. После этого он приказал луге прогнать этого человека.

Честно говоря, все эти чудесные вещи вовсе не чудесны в моих глазах... ведь для этого есть Тора и это ее дар... От раввина Меира [который изучал Тору ради нее самой] пошла традиция осуществления многих достойных вещей» — это намек на те замечательные вещи и возвышенные видения... Наши глаза видели, как все эти дары были воплощены в нашем великом господине... Ему было даровано познать внутренний свет... самые возвышенные и сокровенные тайны... и все небесные врата были открыты ему... как говорили наши мудрецы, и перед ним, который изучает Тору даже в страданиях... не опустится занавес, ведь он общается с Богом, а Бог и Тора едины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Iser W. The reading Process: A phenomenological approach // New Lit. History. 1972. № 3. P. 279—299.*

² Как Виленский гаон известен Элиягу бен Шломо Залман (1720—1797), знаменитый талмудист и ученый. — *Ред.*

³ Страницы приводятся по изданию: *Jacob L. Jewish mystical testimonies. N. Y., 1977.*

⁴ Лурия Ицхак (1534—1572) — создатель одного из основных течений *каббалы (так называемая лурианская каббала, или лурианство). — *Ред.*

⁵ *Besserman P. The way of the Jewish mystiques. Boston; London, 1994. P. 104—105.*

⁶ См. прим. 15 на с. 79. — *Ред.*